

A filozófus „kétélyei” azonban még ennél is bonyolultabbak. A világ megismerhetősége a valósághoz való viszony c. filozófiai kérdés, vagyis az igazságkritérium kérdésének függvénye. Az igazságkritérium pedig a tautologikus rendszerekben az ellentmondásmentesség elvére épül. Moritz Schlick szerint azonban ezzel a kritériummal kapcsolatban a következő filozófiai problémák merülnek fel. „Arról azonban már régen nincs helye vitának, hogy az igazság általában azonosítható-e az ellentmondásmentességgel. Régen általánosan elismert kellene legyen, hogy csak a tautologikus jellegű kijelentéseknél azonosítható az ellentmondásmentesség és az igazság (ha ezt a szót itt egyáltalán használni akarjuk), tehát pl. a tiszta geometria tétéleinél. De az ilyen tétéleknél szándékosan el van vágva minden viszony a valósághoz, ezek csak formulák egy szilárdan rögzített kalkulusban... Eppen az áll előtünk, amit régebben formális igazságnak neveztek és a materiális igazságtól megkülönböztették.” Majd így folytatja érvelését „...az ellentmondásmentesség kritériuma éppenséggel nem elég a materiális igazsághoz...” („Az ismeret fundamentumáról”, i. k. 268).

Márpedig a marxista ismeretelméletben a világ megismerése materiális igazság, és nem válaszolható meg olyan logikai alapelv

talajáról, amely eleve kizárja a logikának a valósághoz való viszonyát.

Ezek a kérdések, \* „kétélyek” merülnek fel a filozófus előtt, amikor a szimbolikus logikát a világ megismerésének bizonyítására alkalmazzák. Más szóval: mivel a szimbolikus logika neves művelői közül sokan maguk olyan álláspontot követtek, e logika olyan jellegére utaltak, amely miatt egyáltalán nem evidens e logikának a marxista ismeretelmélet alaptételére való alkalmazhatósága, aki alkalmazza e logikát a fenti tételre, annak legalább az eddig felvetett kérdésekre választ kell adnia. Ezek megválaszolása nélkül a filozófus „kétélyei”, arra vonatkozóan, hogy kielégítő-e a szimbolikus logikának a marxista ismeretelmélet alaptételére való alkalmazhatósága, nem oldódnak fel, tegyenek eléje mégoly szép formulában fogalmazott logikai levezetést is. De mivel Ruzsa ezeket a kérdéseket még csak nem is érinti, ezért érvelése nemcsak a marxista ismeretelmélet lényeges tartalmát hagyja figyelmen kívül — amely összefüggésre fejtegetésem elején mutattam rá —, hanem mellőzi a szimbolikus logika *filozófiai* problémáit is, ezek valamilyen jellegű megválaszolását. Enélkül azonban a világ megismerhetőségére adott levezetése a filozófus számára csupán „üres” formula.

## SUMMARIES

László Sziklai: *The Moscow Writings of Lukács*

All over the world an intensive research has manifested itself regarding György Lukács's oeuvre and its systematic publishing, in the course of which a number of hitherto unknown details become public property. From among the most recent publications of importance is György Lukács's omnibus volume „Moscow Writings”, in Claude Prévost's edition and with his introductory treatise. The present article reviews this publication, and finds its main merit in the fact that it focuses the attention of western readers on an extremely rich and, from the point of theory, a highly important period of Lukács's career. The paper, however, also mentions that the volume does not contain all the writings pertaining to the subject matter represented by it (e. g. the discussion on novels from 1934—35, the discussion on realism from 1939—40). It is regarded as the greatest value of Prévost's introduction that it represents an endeavour to analyse from the

point of history Lukács's theory elaborated in the 1930's and thus is suitable to enter into a convincing controversy with those, who accuse Lukács's activity of this period of Stalinism, Zdanovism (?). However the author, when forming an opinion of Lukács's novel-concept, developed by the middle thirties, does not base, as opposed to Prévost, on Lukács's inability to transcend the „Hegelian model” and/or referring in a mistaken way to the alienation notion of the young Marx but that Lukács — though perfectly aware that an adequate epical form of socialism, the realistic socialist novel, can only be understood on the basis of the contradictions of society — could not at that time, because of distinct historical causes, grasp in a sufficiently concrete mode the internal contradictions of socialist circumstances.

P. Salvucci: *Why Lukács?*

What the author deems exemplary in Lukács's oeuvre is, first of all, that Lukács succeeded to unify in his person the activist

representing the interests of the Communist Movement taking part in the factual battles of the Party and the scientist working at the highest possible level. Author points out that despite Lukács's early Hegelianism the totality conception of his History and class consciousness influenced in a major way the development of the science of philosophy. The values of the rationalist traits of early Hegelianism preserved, though abandoned, are illustrated and an analysis is given to show that this rationalism enabled Lukács to a comprehensive criticism about German irrationalism. The analysis draws attention to the fact that Lukács outlined succinctly the correlation between irrationalist philosophy and reactionary bourgeois political tendencies.

*Atanas Stoikov: Todor Pavlov, the Aesthetician*

The scientific activity of Todor Pavlov began in the end of the 1920's when his interest for literature and the arts becomes interlinked with the first phase of his political activity. His philosophy life-work, essays on aesthetics made his name well-known in his country of birth by the beginning of the 1930's. The decisive turning point of his life are the four years spent in the Soviet Union when the opportunity was given to study in detail the classical works of Marxism. Todor Pavlov's aesthetic life-work embraces a wide field. The starting point is Lenin's theory of reflection, which Pavlov applies in the field of aesthetics and further develops in his works written on aesthetics, as, for instance in „The General Theory of Art” written in 1938. Basing on the theory of reflection Todor Pavlov takes up the fight against any fatalistic and rationalist school of thought of art.

*An Interview with Academician Tibor Erdely-Gruz, the President of the Hungarian Academy of Sciences Concerning Some Questions of the Scientific-Technical Revolution*

The interrelationship between natural sciences and society became closer in the last few decades, than ever before. The causes of this phenomenon are a wider correlation between man and his environment and the difference in the rate of development of the social and the biological sphere.

Natural sciences play an important role in a widespread introduction of a scientific

way of contemplation the scientific formation of concepts and the development of definitions. But natural sciences also help to interpret precisely the contents of nature's laws and/or their limits, to give a differentiated determination of their range.

The scientific-technical revolution brings about far-reaching social changes. In Hungary, the effects of the scientific-technical revolution are to be noticed already, there are, however, a number of barriers in the way of its true development. So, for instance, the preconditions of a high volume production have to be realized, a higher degree of the general level of culture is needed. It is to be mentioned, at the same time, that the conditions to overcome the factors hindering a higher effectiveness of the scientific-technical revolution are present within the framework of socialism.

*I. Hermann: On Some Matters of Principle of Hungarian Cultural Development*

Author outlines the cultural backwardness inherited by the people's democracy from the Horthy-régime. The paper exposes the different means used by the Horthy-régime to isolate the broad masses from the progressive, leftist culture which developed in this era. Also the difficulties to break through this isolation are explained. Author then demonstrates the way the people's democracy managed to pierce this isolation and to render culture a formative force embracing the life of the whole nation. At the same time the problems of contradictions involved within this extraordinary achievement are mentioned. Author points out the sources owing to which the continuity of a progressive Hungarian culture could be realized but in part in the period from 1945 to 1949. The notion that it was right to establish a continuity between the development up till 1918 and the one after 1945 is being criticized as well as the philosophical denial of all the problems that overshadowed the development of a progressive, Hungarian culture as characteristically bourgeois problems between the two World Wars.

*B. Szabó: Revolution and Communist Politics in the Period Following the Liberation*

The paper analyses the major components of the social transformation of Hungary, following World War II. It explains, first of all, the character of the revolution that evolved in the last stages of the war,

what phases it passed through. The paper also indicates in what measure the Communist Party realized the requirements of objective conditions, outlines the policy of the party. The author points out, among others, that a new type of revolution evolved after the liberation: a popular democratic revolution, which brought about suitable conditions for a transition to a socialist revolution. Regarding the policy of the party the paper underlines that following World War II, the possibility was given for a peaceful development of revolution, that a civil war could be avoided this circumstance formed a major component of this policy. It was a conclusion of this realization that even the socialist purposes of the working class could be achieved with the support of the great non-proletarian masses and that this transition, the accomplishment of socialist transformation would be a relatively slow, gradual process, taking several years most probably, in the course of which it would be unnecessary to overthrow the executive power but that the revolutionary democratic dictatorship has to be developed into a dictatorship of the proletariat. Author summarizes his research in the subject matter on basis of hitherto works. The article was published in English in „Acta Historica,’ 1974.

*I. Maron: Reactionary, Conservative and Revolutionary Anti-Imperialist Nationalism in the Countries of the Third World*

Author emphasizes the idea that Marxist research has to pay a growing attention to the superstructures of the Third World Countries and the politico-ideological conflicts to be observed in these, to:

a) Facilitate revolutionary nationalists to adopt Marxist positions by responding in the Marxist mode to the problems of dialectics of the general and the specific,

b) Expose the false and mystifying interpretations relating to social development, the causes of underdevelopment and the modes of winding it up, by paying special attention to the criticism regarding „new leftist” or Trotskyist theses,

c) Enrich Marxist theory by enriching the Third World itself through Marxist responses to the problems of developing countries.

Author also analyzes the peculiarities and types of nationalism. Over and above recognizing the antiimperialist character of nationalism also regarding the period following the overthrow of colonialism, it is

necessary to distinguish the reactionary, conservative and revolutionary variants of this antiimperialist nationalism. Author analyses these with reference to three subject matters:

a) The interpretation of underdevelopment and the modes to wind it up (a criticism of Fanon’s, Gunder Frank’s and Samir Amin’s theses);

b) The interpretation of the basic contradictions of our age (a criticism of the thesis dividing our world into proletarian and bourgeois nations); and

c) The interpretation of the dialectics of the general and the specific (a criticism of Sengor’s „Négritude” theory, of the Arab fundamentalism and the Arab „Socialism”).

In the closing part of the paper, author endeavours to outline the characteristics of the nationalist ideologies and political trends of the Third World, on basis of Lenin’s works about revolutionary democrats.

*György Bulics: Particular and Universal Trends in the History of Ideas*

The Christianity of St. Paul claimed a special universalism: face to face with God all people are equal, not only in social, but in an ethnical sense as well. This change represented a serious advance in an ethnical sense, it dissolved for Christians the ethnic limits of Judaism. At the same time it represented a retreat from criticising social injustice: it accepted and came to justify slavery, which it had previously condemned. This claim to equality, however, was that of a small group, and existed in a short period only between past and future political particularism. From the third century economical difficulties and mounting taxation deepened the contrasts between the *provinciae*. The new centrifugal trends needed ideological verification and found them nowhere but in the theological (christological) aims of Christianity. At this time, Constantine the Great — himself not a Christian — made a public issue of Christianity, and for the same reason, wanted this religion to be homogenous. But real trends opposed his wishes. The Donatists in Africa, the Arians, later the new Eastern Churches reduced the original universalism to a non-spiritual goal, one of power (above all local churches). And as the social thought, lost in the Catholic Church together with the territorial-ethnical legacies, rose again in those heretical groups.

In recent years heated discussions evolved about the subject, structure of Marxist—Leninist philosophy. The author, an active participant of these discussions elaborates in the present paper an idea of his from 1968. According to the basic thesis: Marxist—Leninist philosophy has no isolated and isolatable ontology, gnoseology or philosophy-practice from the point of branch of knowledge, at the same time, however, one of the possible structures of its content, still open to a many-sided elaboration is constituted by the subordination of its ontological, gnoseological as well as practical aspects.

The expounding begins with a historical analysis in the course of which the author, bottoming also upon the method of textual analysis demonstrates that the revolution realized by Marx and Engels and developed by Lenin brought about the elimination of metaphysics in philosophy, on the one hand, and that of ontology, gnoseology in their former sense as well as the so-called practical philosophies, on the other. A distinction is made between the material branch of knowledge structure of philosophy (e. g. dialectical materialism; historical materialism; ethics, etc.) as well as the contentual structure (e. g. materialism and dialectics). A specificity of the new philosophy is that the contentual structure has come into prominence.

From the point of branch of knowledge, an isolated interpretation of either ontology or gnoseology, or an interpretation overstressed at the expense of one or the other can only lead to some old philosophical errors — to speculative metaphysics or subjectivist gnoseology. Restricting the subject of Marxist—Leninist philosophy to practice (the so-called man-centred or socio-ontological interpretation) results in a subjectivist, utopistic and in this form also a metaphysical, speculative interpretation. In Marxist—Leninist philosophy „ontological” cannot mean the philosophical theory of existence, the philosophy principles concerning existence. At the same time neither is Marxist—Leninist philosophy restricted to the theory of revolutionary practice. Any material restriction can but result in a fundamental-theoretical contradiction, first of all in the interpretation of its basic contentual sides, of materialism and dialectics.

The ontological, gnoseological and practical contentual sides, aspects of Marxist—Leninist philosophy are based on the fundamental buttress of materialism and dialectics.

Accordingly, the ontological contentual aspect of Marxist—Leninist philosophy suggests first of all that the world concept, principles, theses and categories of Marxist—Leninist philosophy are immanent manifestations of the most general definitions of nature, society, material and awareness. The gnoseological contentual side reveals that the world concept, the principles and the categories are, at the same time stepping stones of the historical change, the development of cognition. In the practical contentual side the fact is expressed that our world concept, our notions, theses are also products of the change, the transformation of the world. In a complete contentual evolving of Marxist—Leninist philosophy all three aspects have to be asserted in case of each principle, thesis and category.

The first part of the present paper, giving a historical survey and the raising of the question, had been published in the previous issue (1974, No. 6.).

*A. Volczer: On the Question of the Concept of Object and Subject I—II.*

The paper falls into three chapters. In the first the author — leaning on the positive results of the special literature of recent years — defines, first of all, the two concepts and characterizes them as correlating categories. The distinctive trait of the correlation between the object and the subject is seen in the fact that this relation is subjectcentric in a specific way as it is constituted by the subject's activity, both historically and in our days. In possession of this knowledge it is possible to perceive correctly the special function of these two categories in our philosophy: their expressing the relationship of man and the world from the side of a historically evolving and increasingly conscious human activity. After establishing the above author also pays attention to the fact that „object” and „subject” are not only two philosophical concepts but also two philosophical terms. This differentiation is indicated because the expressions „object” and „subject” occur in our philosophy not only in the content defined in the study, viz. they are not only monosemantic but also polysemantic terms of our philosophy, valued by the author as a negative phenomenon.

In the second chapter, the dimension of the two categories is studied. In a more general approximation and on the basis of the afore determinations, author delimits the concept of „object” from that of the material and the external world on the one

hand and analyses, on the other, the relationship between the concept of „subject” and that of awareness, man and society. In this connection it is also pointed out that the monosemantic application of the two terms — „object” and „subject” — is not only an abstract requirement but also has its realistic conditions. In a more concrete approximation, author underlines the prevailing relativity of the scope of the object and the subject.

Chapter three discusses the problem of the nature of the two categories, alluding to the question of the actual content of the object — subject relationship. At this point author endeavours, among others, to define in an exact way the meaning of „ontological” and „gnoseological”, criticizes the views that regard the object and the subject, with a certain prejudice, asgnoseological categories. As a conclusion, by analysing the real content of the object — subject relationship author draws the conclusion that the two categories have to be regarded in our philosophy as special ontological (socio-ontological) categories, having also agnoseological function.

*J. Illy: Einstein's Alienation from Positivism*

In the beginning Einstein, out of sympathy for Mach, criticized Planck's anti-positivism and took the former's part in the Mach-Planck discussion. However, already beginning from 1907, a non-positivistic thoughts can be detected in his articles and it came to a break in 1921. From the point of philosophy this was due to the fact that Einstein attributed a higher importance to the intuition of the researcher than did Mach and also, because he maintained that „Denk-Ökonomie” was a logical principle and not a psychological economy. Besides, the necessity of Riemann's metrics weakened the positivist requirement of the direct graphic meaning of coordinates. As a physical cause Einstein's growing conviction played a role according to which reality selects some of the many possible descriptions of phenomena and, in this way the fundamental idea of positivism is weakened according to which the diversity of theoretical systems results in their unreliability from the point of ontology, and, finally, the disavowal of any ontology. This conviction of Einstein was formed by Poincaré's severely formulated conventionalism, as a negative factor, and the success of a specific and later on a general theory of relativity, as a positive factor. As a consequence Einstein's views approached those of Planck.

*K. Solt: Gorski's Paper on the Definitions Used in Physics*

In his paper, D. P. Gorski analyses — among others — the difference in definitions used in mathematics and in physics. Physical research is much more complex than mathematical research. Physical research and thus the language of physics has a number of different levels to which different types of definitions are suitable. Other definitions are used at the „empirical level” of physical research than at its „theoretical level”. Suitable definitions guarantee a close relationship between theory and experience. — Author introduces Bridgman's operational definitions. In the course of critical analysis both the strong and the weak points of this conception are shown. — The so-called „constitutive definitions”, e. g. „force equals acceleration multiplied by mass”. Constitutive definitions illustrate the meaning of a physical quantity on basis of the knowledge of the meaning of other physical quantities.

*János Kelemen: Condillac's Theory on Language, as the Analysis of Thinking*

The study forms part of a major work which endeavours to reconstruct the structure of traditional language-concept, from Descartes to Rousseau. It is based on two central theorems: the teaching regarding the private character of the language as well as the primacy of thinking concerning the language. Condillac is characterized by the author as a representative of Locke's kind of traditional language-concept, who, at the same time is also a precursor of modern teaching which believes in the unity of language and thinking and the social character of language. Author proves that there are two parallel language-concepts to be found in Condillac's life-work: the concept, according to which the language is the analysis of thinking, and the traditional concept. It follows in a logical way from the first that thinking is delineated by the language and thus, through the addition of further relationships, privatism can be omitted. Condillac's modern concept is represented by „*Essai sur l'origine des connaissances humaines*” written in his youth, while „*Traité des sensations*” can be regarded as a step backwards. Author gives a detailed analysis of the edifying causes of this rescission as well as about the further part of the first concept in Condillac's grammatic, logics, and in „*Langue des calculs*”. A detailed investigation is given

about Condillac's symiotics and the concept of „genius of languages” which author regards as the summary of empiric tradition conceptualising the diverseness of languages

#### *K. Havas: Philosophical Logic*

The swift development of the literature in the subject matter of „Philosophical Logic” (= PL in the following) can be regarded as an opposition to the anti-philosophy attitude of neopositivism. Logicians realize once again that logic can be used as an effective means when solving philosophy problems on the one hand, and that a part of logical problems are in close relation with the answers to gnoseological, ontological problems, on the other.

The term „Philosophical Logic” is used with different meanings in present day literature of logic. The paper emphasizes the following meanings: 1) PL studies the forms and laws of reasoning which are suitable

means to acquire true knowledge. Mathematical logic supplies mathematical tools for this analysis. A part of the theses of PL can be penetrated by interpreting the laws of logical mathematical systems as the law of reasoning. Philosophical logic can be developed in the most fruitful way through the intercorrelation of formal and informal theories. 2) Philosophical logic is not only the theory of reasoning but it also studies knowledge manifested in a linguistic form (concepts, statements, theories) to reveal the methods of cognition in which these forms are applied. 3) It is the task of PL to compare the results obtained in different logical systems. The philosophy of logic forms a part of PL.

The paper criticizes the views that oppose PL to formal logic, the psychologist school of thought of PL, as well as the one that denotes by the term of „Philosophical Logic” certain chapters of modern logic deemed suitable for philosophical application.

## РЕЗЮМЕ

#### *Ласло Сиклаи: Московский период творчества Лукача*

Во всем мире интенсивно исследуется жизненное творчество Лукача и регулярно издаются его труды, в ходе чего всеобщим достоянием становится все больше доселе неизвестных моментов. Из новейших публикаций значительным событием является выход в свет в 1974 году в Париже сборника Дьердя Лукача «Московские статьи»: под редакцией и вступительной монографией Клода Прево. В аннотируемой статье дается рассмотрение этого сборника. Основным достоинством сборника автор считает то, что внимание западных читателей направляется на чрезвычайно значительный в теоретическом плане и весьма богатый период жизненного творчества Лукача. Вместе с тем отмечается, что сборник не содержит всех произведений, относящихся к двум тематическим областям, репрезентируемым сборником (дискуссия о романе 1934—35 гг. и дискуссия о реализме в 1939—40 гг.). Важнейшим достоинством вступительной монографии Прево автор статьи считает предпринятую им попытку для исторического анализа выработанной Лукачем в 30-х годах теории, и поэтому может убедительно Лукачем в 30-х годах теории, и поэтому может убедительно вступать в спор с теми, кто апострофирует тогдашнюю деятельность Лукача упрекая его в «стали-

низме» и «ждановизме». Однако при оценке лукачевской концепции романа, сложившейся к середине 30-х годов, автор, в противоположность Прево, исходит не из того, что Лукач не смог переступить «гегелевскую модель» и ошибочно ссылаясь на трактовку отчуждения, разделяемую молодым Марксом, а берет в качестве отправного момента положение, что Лукач — хотя и правильно видел, что адекватную эпическую форму социализма, социалистический реалистический роман, можно понять только из противоречий этого общества — тогда еще, по определенным историческим причинам, не мог достаточно конкретно ухватить внутренние противоречия социалистических отношений.

#### *Паскаль Сальвучи: Почему Лукач?*

Автор в творчестве Лукача назидательным и доитоймым примером для потомков считает то, что Лукачу удалось совместить в себе человека движения, представляющего интересы коммунистического движения и принимающего участие в конкретных битвах партии, и ученого, работающего в самых высших сферах. Автор показывает, что и вопреки раннему гегельянству насколько значительное влияние произвело на дальнейшее развитие философской науки его концепция тотальности истории и классов-

вого сознания. Демонстрирует сбереженные, критически пересмотренные достоинства, ценности рационалистских черт его раннего гегельянства, и анализирует, что этот рационализм сделал способным Лукача для цельной критики немецкого иррационализма. Его анализ призывает внимание также и на то обстоятельство, что Лукач весьма веско и четко показывает демонстрирует взаимосвязь, сплеченность иррационалистической философии и реакционных буржуазных политических тенденций.

*Атанас Стойков: Тодор Павлов, эстетик*

Научное творчество Тодора Павлова основоположно начинается в конце второго десятилетия нашего века, когда его интересы к литературе и искусству смыкаются с первым этапом политической деятельности. Труды Павлова по эстетике, посвященные философским основам искусства как специфической формы общественного сознания, уже к началу тридцатых годов сделали его имя известным на родине. Решающий поворот в жизни Павлова — четыре года, проведенные им в Советском Союзе, когда он получил возможность для углубленного изучения произведений классиков марксизма. Эстетическое творчество Тодора Павлова охватывает обширную область. В качестве исходной позиции Павлов опирается на ленинскую теорию отражения, подвергая критике различные концепции идеалистической эстетики. Дальнейшее развитие получили эти положения в других трудах Павлова по эстетике, как, например, в «Общей теории искусства» (1938). С позиций теории отражения Тодор Павлов успешно выступает против всяческих фаталистических и рационалистических трактовок искусства.

*Интервью о некоторых вопросах научно-технической революции с академиком Тибором Эрдеи-Грузом, президентом Венгерской Академии наук*

Связь естественных наук и общества в последние десятилетия стала теснее, чем когда бы то и было. Причины этого: расширение взаимодействия человека ни окружающей среды, различность темпов развития социальной и биологической сферы.

Естественные науки содействуют широкому распространению научного воззрения, фирмированию научных понятий и определений, помогают четко и точно осмыслить содержание и пределы закономерностей природы, дифференцированное установление радиуса их действия.

Научно-техническая революция порождает глубинные социальные изменения. В нашей стране эффект НТР в настоящее время уже обнаруживается, однако на пути ее развертывания высится множество переград: нужно создать условия крупно-объемного производства, поднять на более высокую ступень общий уровень культуры. В условиях социализма обеспечены все предпосылки для преодоления факторов, препятствующих более интенсивному осуществлению НТР.

*Иштванн Германн: К некоторым принципиальным вопросам венгерского культурного развития*

Автор показывает культурную отсталость, доставшуюся народной демократии в наследствие от режима Хорти. Излагает положение, что сародившуюся в условиях хортистского режима левую прогрессивную культуру хортизм самими различными средствами изолировал от широких народных масс. Автор показывает также и трудности преодоления этой изоляции. Затем показывает, как была выполнена задача преодоления изоляции народной демократией, и как сделала она культуру формирующей силой, фактором и частью общественной жизни. В то же время ставит также и проблемы противоречий, возникших в процессе этого чрезвычайного достижения. Показывает источники, вследствие которых преемственность, континуитивность венгерской прогрессивной культуры в ходе развития до 1945—49 гг. удалось воссоздать только частично. Критикует представление, утверждающее, что правильным было создание преемственности между развитием, длившимся до 1918 г., и развитием после 1945 г., и одновременно с этим философское усомление, негация всех тех проблем, которые как типично буржуазные проблемы затеняли развитие прогрессивной венгерской культуры в период между двумя мировыми войнами.

*Балинт Сабо: Революция и коммунистическая политика после Освобождения*

В монографии рассматриваются важнейшие компоненты общественного переустройства в Венгрии после второй мировой войны. Прежде всего дается ответ на вопрос, каков был характер революции, развертывавшейся в последний период войны, а также на вопрос, насколько опознала коммунистическая партия требования объективных условий и обстоятельств, излагается политическая линия партии.

В частности констатируется, что в итоге Освобождения развернулась революция нового типа: народно-демократическая, которая создала благоприятные условия для перерастания в социалистическую революцию. В отношении политической линии партии автор формулирует: важным компонентом этой политики было осознание того, что в обстановке после второй мировой войны наличествует возможность для мирного развития революции— гражданскую войну можно избежать. С этим положением был сопряжен вывод, что рабочий класс и свои социалистические цели может достичь при поддержке со стороны широкого круга непролетарских слоев, и что перерастание, осуществление социалистического переустройства будет предположительно относительно медленным, многолетним постепенным процессом, в ходе которого не нужно свергнуть государственную власть, а развить революционную демократическую диктатуру в диктатуру пролетариата. Автор суммирует опыты своих прежних исследованиях по этому вопросу в „Acta Historica” 1974 г.

*Имре Мартон: Реакционные, консервативные и революционные национализмы в странах третьего мира*

Автор стремится подчеркнуть, что марксистские исследования должны уделить гораздо больше внимания чем до сего времени надстройкам стран третьего мира, а также возникающим там политическим-идеологическим столкновениям, и притом с той целью, чтобы: а) облегчить революционным националистам переход на позиции марксизма, посредством марксистского ответа на проблему диалектики всеобщего и особенного; б) разобрать фальшивые и мистифицирующие истолкования, измышления о социальном прогрессе, о причинах отсталости и методах ее ликвидации, уделяя особое внимание критике «новолевых» или троцкистских тезисов; в) обогатить марксистскую теорию так, чтобы обогатить сам третий мир марксистскими ответами на проблемы развивающихся стран.

Автор анализирует специфические черты и разновидности национализма. Признавая антиимпериалистический характер национализма также и применительно к периоду после распада колониализма, необходимо различать реакционные, консервативные и революционные варианты этого антиимпериалистического национализма. Автор анализирует эти варианты в связи с тремя темами: а) трактовка отсталости и способов ее ликвидации (критика тезисов Фанона, Гундера Франка и Самира Армина); б)

трактовка основополагающих противоречий современности (критика тезиса, разделяющего современный мир на пролетарские нации и буржуазные нации); в) трактовка диалектики всеобщего и особенного (критика сенгоровской теории «негритюда» арабского фундаментализма и арабского «социализма»)

В последней части монографии автор предпринимает попытку изложить характерные черты националистических идеологий и политических течений третьего мира на основе трудов Ленина о революционных демократах.

*Дьердь Балаж: Партикулярные и универсальные тенденции в истории идеи*

Павловское христианство объявил специальный универсализм: перед богом все люди равные, не только в социальном, но и в этническом смысле слова. Это значил серьёзный шаг вперед этнически, но в то же время шаг назад в социальном вопросе, оправдывавший вес строй, и рабовладение.

Этот универсализм принадлежал к маленкой группе и к краткому периоду между политическому партикуляризму бывшего и будущего. От третьего столетия н. э. экономические трудности и возрастающие налоги обострили противоречия между провинциями. Эти новые центрифугальные тенденции искали идеологические подтверждения и нашли эти в разных теологических-христологических стремлениях христианства. Император Константин — сам не христианин — использовало христианство в целом империи, но хотел, чтобы эти христианины были монолитные. Но тенденции истории в этом не помогли. Донатисты в Африке, арианцы, затем и восточные церкви снизили оригинальный универсализм в недуховную претензию папства и таким образом социальная мысль пропавшая в католицизме, обнаруживалась — вместе с территориально-этническим партикуляризмом — в этих эретических группах.

*Йозеф Хорват: О сущностной структуре марксистско— ленинской философии (I—II)*

В минувшие годы развернулись горячие дискуссии о предмете и структуре марксистско— ленинской философии. Автор, как активный участник этих дискуссий, излагает в своем труде мысль, высказанную им еще в 1968 году. Его основополагающий тезис: марксистско— ленинская философия не имеет дисциплинарно обособ-

ленной и выделяемой теории бытия, теории познания или философии практики, в то же время, однако, одну из возможных (и ныне ожидающих своей многосторонней разработки) структур содержания марксистско-ленинской философии образует субординация ее онтологических, гносеологических, а также практических аспектов.

Изложение начинается историческим анализом, в ходе чего автор, опираясь и на метод текстологического анализа, показывает, что совершенная Марксом и Энгельсом и развитая дальше Лениным революция в философии означала упразднение, ликвидацию, с одной стороны, метафизики, и, с другой стороны, взятых в старом смысле онтологии, теории познания и т. н. практических философий. При этом различается предметная, дисциплинарная структура философии (напр. диалектический материализм; исторический материализм; этика и т. д.), а также сущностная структура (напр. материализм и диалектика). Выступление на первый план структуры содержания — одна из специфичных черт новой философии.

Дисциплинарно обособленная трактовка будь то онтологии, будь то гносеологии, или же чрезмерная акцентировка одной из них в ущерб другой неизбежно, неминуемо заводит в тупик старых философских ошибок — спекулятивную метафизику или субъективистскую теорию познания. Сведение предмета марксистско-ленинской философии к практике (его т. н. гомоцентричная или социо-онтологическая интерпретация) субъективистична и утопична и, таким образом, тоже имеет своим результатом метафизичную, спекулятивную трактовку. В марксистско-ленинской философии «онтологическое» не может означать философской теории бытия, философских основных принципов о бытии. Однако марксистско-ленинская философия не сводится также и к теории революционной практики. Всякое ее предметное суживание приводит к принципиальным-теоретическим непоследовательностям, прежде всего в истолковании ее фундаментальных сущностных сторон — материализма и диалектики.

Онтологические, гносеологические и практические стороны, аспекты содержания марксистско-ленинской философии основываются на принципах материализма и диалектики. В соответствии с этим в онтологической стороне содержания марксистско-ленинской философии выражается прежде всего то, что картина мира, миропонимание, принципы, положения и категории марксистско-ленинской философии являются имманентными выражениями самых общих детерминизмов приро-

ды, общества, материи и сознания. Гносеологическая сторона содержания выявляет, что миропонимание, принципы и категории вместе с тем являются ступенями исторического изменения, развития познания. В практической же стороне содержания получает свое выражение факт, что наше мирозерцание, наши понятия, тезисы являются также и продуктами изменения, преобразования мира. При полном выражении содержания марксистско-ленинской философии в случае каждого принципа, тезиса, каждой категории нужно реализовать все три аспекта.

Первая часть настоящей работы, содержащая исторический обзор и постановку проблемы, опубликована в предыдущем номере журнала (1974, № 6).

*Арнольд Вольцер: К вопросу понятия объекта и субъекта, I—II*

Монография расчленена на три главы. В первой главе автор, опираясь на положительные результаты специальной литературы последних лет, дает прежде всего определение двух понятий, и характеризует их как коррелятивные категории. Отличительную черту корреляции, существующей между объектом и субъектом, он усматривает в том, что это отношение специфичным образом субъектоцентрично, поскольку это отношение всегда — в равной мере как исторически, так и актуально — конституируется активностью субъекта. Понимание этого положения позволяет правильно осознать специальную функцию двух категорий в нашей философии: они выражают отношение человека и мира со стороны исторически развертывающейся и все растущей сознательной человеческой активности. Конституируя все это, автор уделяет внимание и тому, что «объект» и «субъект» стоят перед нами не только как два философских понятия, но и как два философские термина. Это разграничение мотивируется тем, что выражение объекта и субъекта кроме дефинированного в монографии содержания встречается в нашей философии и со другими значениями то есть являются не моносемантическими, а полисемантическими терминами нашей философии, что расценивается автором в качестве отрицательного явления.

Вторая глава рассматривает объемы двух категорий. В более общем приближении автор, на основе данных в предыдущем определении, отграничивает понятие объекта, с одной стороны, во-первых, от понятия материи и внешнего мира, с другой стороны, анализирует отношение понятия субъекта к понятиям сознания, человека и

общества. В этой связи указывает, что моносемантическое применение двух соответствующих терминов — «объекта» и «субъекта» является не только отвлеченным требованием, но имеет и реальные предпосылки. В более конкретном приближении автор акцентирует всегдашнюю относительность объема объекта и субъекта.

Третья глава, затрагивая вопрос реального содержания отношения объект—субъект, обсуждает проблему характера двух категорий. Автор здесь предпринимает, в частности, попытку эгзактного определения значения «онтологическое» и «гносеологическое», критикует те воззрения, которые односторонне считают объект и субъект гносеологической категорией, и, наконец, на основе анализа реального содержания отношения объект—субъект приходит к выводу, что обе категории мы должны признавать специальными онтологическими (социально—онтологическими) категориями, располагающими и гносеологической функцией.

*Йозеф Или: Отход Эйнштейна от позитивизма*

Эйнштейн, побужденный симпатией к Маху, вначале критикует антипозитивизм Планка, и в споре Маха с Планком становится на сторону первого. Однако уже в 1907-ого года в его статьях встречаются непозитивистские идеи, и к 1921-ому году он приходит к открытому разрыву. В философском аспекте причина этого заключалась в том, что Эйнштейн присваивал большее значение интуиции исследователя чем Маха также в том что по его мнению «экономия мышления» — это логический принцип, а не психологическая экономия. Наряду с тем необходимость метрики Римана ослабила позитивистское требование непосредственного наглядного значения координат. В качестве физической причины возмело свой эффект, действовало то все более крепнущее убеждение Эйнштейна, что из множества возможностей описания явлений действительность достоверно останавливает свой выбор на некоторых, в связи с чем ослабевает та основная идея позитивизма, что из многообразия теоретических систем следует их онтологическая недостоверность, в конечном счете отвержение всяческой онтологии. Это его убеждение сформировалось в итоге резко сформулированного конвенционализма Пуанкаре, как отрицательного фактора, и успехом специальной, а затем общей теории относительности, как положительного фактора, и сблизило в завершении его взгляды со взглядами Планка.

*Корнель Шолт: Монография Горского о применяемых в физике определениях*

Д. П. Горский в своей монографии («Проблемы определений в теориях математического естествознания на примере физических теорий»). Логика и эмпирическое познание. Москва. 1972. 169—198) — анализирует — в частности — вопрос, в чем отличаются друг от друга дефиниции, применяемые в физике, от математических. Физическое исследование существенно сложнее математического. Физическое исследование (и поэтому и язык физики) имеет ряд, отличающихся друг от друга, уровней, которым отвечают разные типы дефиниций. Другие дефиниции применяются нами «на эмпирическом уровне» физического исследования, и опять-таки другие «на теоретическом уровне». Правильные физические дефиниции обеспечивают прочную связь теории и опыта. — Демонстрирует операциональные определения Бриджмена. В ходе критического анализа освещает как сильные, так и слабые стороны этой концепции. — Занимается т. н. «конститутивными определениями», как, например, такое: «сила равна массе тела, умноженной на ускорение» Конститутивное определение освещает значение какого-либо физического количества на основе знания значения других физических количеств.

*Янош Келемен: Теория Кондильяка о языке, как анализе мышления*

Данная монография представляет собой часть более обширного труда, в котором реконструируется структура традициональной концепции языка от Декарта до Руссо. Это построено вокруг двух центральных тезисов: учения о приватной сущности языка и о первичности мышления перед языком. Кондильяка автор характеризует как представителя традиционной концепции языка, последователя Локка, но который вместе с тем был также предтечей современных учений, провозглашающих единство языка и мышления и общественный характер языка. Автор доказывает, что в трудах Кондильяка взаимососредствуют две языковые концепции: с одной стороны, концепция, согласно которой язык является анализом мышления, с другой стороны, традиционная трактовка. Из этого логически следует, что мышление детерминировано языком, что всюю очередь в силу дальнейших подключаемых взаимозависимостей приводит к отпадению приватизма. Современную концепцию представляет ранний труд Кондильяка *Essai sur l'origine des connoissances humaines*,

тогда как *Traité des sensations* в сравнении с ним означает шаг назад (поучительные причины такого отступничества автор подвергает детальному анализу, точно так же как и дальнейшую часть первой концепции в грамматике, логике Кондильяка и в *Langue des calcus-e*. Подробно рассматривается семиотика Кондильяка и понятие «духа-гения языков», в коем понятии автор усматривает суммирование эмпиристической традиции, концептуализирующей многообразие и многоликость языков.

*Каталин Г. Хаваш: Философическая логика*

Бурное развитие литературы, публикуемой по тематике «философической логики» (в дальнейшем «Фл») является симптомом поворота против антифилософской позиции неопозитивизма. Логика вновь осознают, что логика может быть использована как действенное средство при разрешении философских проблем, с другой стороны, часть логических проблем тесно связана с отвлечением на гносеологические, онтологические проблемы.

Термин «фл» в современной литературе по логике применяется с разным значением.

В монографии выделены следующие значения: (1) «фл» изучает те формы и законы рассуждения, которые являются пригодными средствами для приобретения истинных познаний. Математическая логика предоставляет математические средства для этого анализа . . . К части тезисов «фл» мы приходим путем интерпретации законов математических логических систем в качестве законов рассуждения. Наиболее плодотворно может развиваться «фл» в итоге взаимовоздействия формальных и неформальных теорий. (2) «фл» является не только лишь теорией рассуждения, но изучает познания, выступающие в языковой форме (понятия, высказывания, теории), чтобы вскрыть те методы познания, в которых применяются эти формы. (3) Сопоставление полученных в различных логических системах результатов представляет собой задачу «фл». Философия логики составляет часть «фл».

Монография подвергает критике воззрения, противопоставляющие «фл» формальной логике, психологистическую трактовку «фл», а также концепцию, которая термином «фл» обозначает несколько разделов современной логики, квалифицированные пригодными для философского применения.

*Voproszi Filozofii,*  
1974/4.

Fedoszejev: A TTF társadalmi jelentősége.

Bolkov: A társadalmi-gazdasági és tudományos-technikai faktorok hatása a hatalom rendszerére.

— A TTF és a munkásosztály. A „Voproszi Filozofii” kerekasztal-konferenciája.

Mihajlovszkij: A TTF és az „élet minőségének” problémája a fejlett tőkésországokban.

1974/8.

— A X. Nemzetközi Hegel-kongresszusról:

Kedrov: Hegel dialektikája a tudományos forradalom fényében.

Rozental: Hegel tanítása a dialektikus ellentmondásokról és a marxizmus.

Ovszjannyikov—Alehina: A művészet és erkölcsösség Hegel esztétikájában.

— A tudomány és a jelenkor globális problémái. (Kerekasztal-konferencia.) (I)

1974/9.

Petrov: Szocializmus és internacionalizmus.

— A tudomány és a jelenkor globális problémái. (Kerekasztal-konferencia.) (II)

Blanova: A megismerés társadalmi természetete.

Sztyepanyanc: A fenomenológia és a nyugati kultúra válsága.

1974/10.

— A fejlett szocialista társadalom szociális-filozófiai problémái.

— A társadalmi élet internacionalizálódásának problémái a fejlett szocialista társadalom körülményei között. (Kerekasztal-konferencia.)

Afanaszjev—Urszul: A társadalmi információ.

Balgyin: A jelentés problémája a fizikában.

*Filozofszkie Nauki,*  
1974/4.

Vorontszov, B. N.: Marx nézeteinek átalakulása az elidegenedés kérdésében.

Sevcenko, V. N.: A történelmi materializmus és a tudományos kommunizmus viszonyáról.

Ujemov, A. I.: Igazság, egyszerűség, bonyolultság.

Greckij, M. N.: A strukturalizmus: alapvető problémák és megoldásuk szintjei.

Szafronov, B. G.: A pozitivisták szociológia néhány jellemző eszméje és ezek forrása.

— Cikkek a VIII. Szociológiai Világkongresszushoz (Kogan, Baboszov, Ugrinovics).

— Cikkek a X. Nemzetközi Hegel-kongresszushoz (Bogomolov, Naumenko, Hütt).

1974/5.

Lasina, M. V.: A társadalmi viszonyok problémája a marxista társadalomelméletben.

Balaguskina—Hasimov: A család a mindennapi élet, a társadalmi intézmény és csoport kategóriái vonatkozásában.

Bliaher—Volinszkaja: A filozófiai ismeretek gyarapodásának mechanizmusához.

Brutyan, G. A.: A komplementaritás elvének metodológiai vonatkozásaihoz.

Georgijev—Sirokov: A tudás természete és megalapozása.

Orlov, V. V.: Az anyag, a fejlődés és a tudat elméletének néhány kérdéséhez.

Meljuhina, Sz. T.: Az anyag filozófiai elméletének kérdései.

Tyuhin, V. Sz.: A képmás, jel és struktúra fogalma

*Kommuniziszt,*

1974/12.

Okorokov: A munkás-paraszt szövetség a fejlett szocializmus körülményei között.

1974/17.

Konnyik—Levin: A gazdasági alap és a politikai felépítmény a fejlett szocialista társadalomban.

Bolkov: Goethe és a jelenkori tudomány. Guszejnov: Az etika tárgya és helye a tudományos megismerés rendszerében.

*Deutsche Zeitschrift für Philosophie,*

1974/8.

Becher—Friedrich: Objektív törvények a természetben és társadalomban.

Hörz: Az okság és a törvény viszonya a fizikában.

Fichtner: Az információ és a megismerés szociális aspektusai

Arnold: A személyiség dialektikája és elmélete.

1974/10—11.

Bartsch: Általános társadalmi fejlődés és a fejlődés specifikus törvényei.

Hörz: Objektív társadalmi törvények és az objektum—szubjektum dialektikája.

Koch: A társadalmi törvények érvényesülésének jellege és módja a szocializmusban.

Edeling—Kulow: A TTF és a munkás személyiségének fejlődése a szocializmusban.

Stiehler: Az objektív törvényszerűség és a tevékenység szabadsága.

Bohring—Mocek: A tudomány a társadalmi értékek rendszerében.

Bergner: Az antropológiai kérdés a mai polgári filozófiában.

*Einheit,*

1974/11.

Weidig: A marxista—leninista szociológia és az ideológiai osztályharc.

1974/12.

Lutz Maier: A kapitalizmus általános válságának minőségileg új vonásai.

Hans-Joachim Höhme: Vita a jelenkori kapitalizmus válságának ciklusairól.

*Filosofický časopis,*

1974/3.

Žuravlev: A kommunista tudatnak mint a fejlett szocialista társadalom szellemi élete legjelentősebb faktorának formálódása.

Cetl: A burzsoá antropológizmus evolúciós változásai.

Zeman: Idő és információ.

— A Frankfurti Iskola koncepciójának kritikája.

Černý: Kritikai teória és pszichoanalízis.

1974/4.

— Immanuel Kant születésének 250. évfordulójára:

Zelený: Kant transzcendentális logikája.

Ruml: Elméleti-ismeretelméleti problémák Kantnál és a logikai pozitivizmusban.

Hušák: Kant formális logikája a kritika előtti korszakban.

Richter—Wrona: A neokantianizmus és a szociális reformizmus.

1974/6.

Hrůza: A szocialista életmód és fejlődésének törvényszerűségei.

Vltavský: Az emberi lényeg problémája Feuerbach és Marx filozófiájában.

Rohan: A politika és a politikai rendszer fogalmának marxista és nem-marxista értelmezése.

Havelka: A fejlett szocialista társadalom filozófiai-módszertani problémái.

*Filozófia (Bratislava),*

1974/5.

Šima, R.: Gyakorlat, politika, filozófia.

Klušin, V. I.—Pinkava, J.: Az anyag és a mező összefüggése mint az anyagi világ dialektikus egységének megnyilvánulása.

Graždan, V.: A személyiség mint a történelmi folyamat szubjektuma.

Dubnička, J.: Össz-csehszlovákiai konferencia a rendszerelméleti megközelítés problémájáról a tudományokban (Mariánské Lázně).

1974/6.

— Cikkek Kant születésének 250. évfordulójára (Hrušovský, Hlavová, Várossová, Münz, Dubnička).

Hambálek, R.: Konferencia a tudományok logikájáról és a metodológiájáról.

*Nova Mysl*

1974/10.

Stefaňák: A szocialista világrendszer — a világgörgetési folyamat döntő ereje.

Podzemný: A párt szerepe a tudományos-technikai haladásban.

Hanzel: Gondolatok az antikommunizmusról és a revizionizmusról.

1974/11.

— A Csehszlovák Kommunista Párt Központi Bizottsága Elnökségének anyagaiból.

— A társadalomtudományok fejlődése, jelenlegi helyzete és feladatai.

— A társadalomtudományok művelésének országos aktívája.

1974/12.

Cipro: A személyiség fejlődésének ideológiai kérdései a szocialista országokban.  
Hora: Hit, ateizmus és szocialista ember.  
Richtařík: Szociológia és ideológia.

*Revista de Filozofie*

1974/6.

Serbănescu, I.: Az általános és a különös dialektikája a társadalmi fejlődés folyamatában.  
Popovici, E.: Az ideológiai és a tudományos elem a társadalmi élet megismerésében.  
Florea, I.: Elméleti hisztorizmus és anti-hisztorizmus.  
— Cikkek Kant 250. évfordulójára (Gulian, Stoichiță, Flonta, Bellu).  
— Kant a román filozófiában (cikkek).

1974/7.

— Cikkek a felszabadulás 30. évfordulójára, ezen belül:  
Rădulescu, I.: A szocializmus és a történelmi alkotás.  
Florea, I.: A szocialista demokrácia és az emberi szabadság.  
Bellu, N.: A szocialista erkölcsfogalma.  
Cernea, M.: A család és az osztályszereket átalakulása Romániában.  
Wald, H.: Az életmód szocialista átalakulása.

1974/8.

Florian, Radu: Az állam és a szocialista demokrácia marxista elméletének néhány vonatkozásáról.  
Pânzaru, Petru: A szociálpszichológia és kapcsolata a politikai tudománnyal és gyakorlattal.  
Tudosescu, I.: A társadalmi rendszer — strukturalista-holista és praxeológiai aspektusból tekintve.  
Grünberg, L.: Általános rendszerelmélet: fogalmak, metodológiai vonatkozások, viták.  
— Kritikák Gulian, C. I. „Filozófiai antropológia” című könyvéről (Tănase, Boboc, Ghideanu).  
Petcu, D.: A marxista filozófia struktúrája.  
Berar, P.: A mai marxista filozófia: a hatékony reflexió aktualitása.

*La Pensée*

1974. október.

— A tudományos kutatás válsága Franciaországban (Kerekasztal).  
Labica, G.: Marxizmus és történelmi sajátosság: a szocializmusra való átmenet néhány elméleti problémája.

Bovillon, A.: A nép-pszichológia: hit és predikáció.

1974. december.

Winocur, M.: A munkásosztály szerepe a kubai forradalomban.  
Pinto, L.: A gyakorlat elmélete.  
Labérenne, P.: De Broglie, Carnap, Ambarcumjan, Weiszacker.  
Parain, Ch.: A falu városiasodása.

*La Nouvelle Critique,*

1974. október.

Bidet, J.: Az új kispolgárok. Nicos Poulantzas „Társadalmi osztályok a mai kapitalizmusban” című könyvéhez.

1974. december—1975. január.

Tran Duc Thao: A fenomenológiától a tudat materialista dialektikájához (I)  
P. Fedoszejev interjúja: Az állam, a párt és a társadalomtudományok a Szovjetunióban.

*Critica Marxista,*

1974/3—4.

Gruppi, L.: A nemek és a társadalom.  
Aurisiochio de Val, S.: Az ember, a történelem és a környezet.  
Zamoskin, J.: A TTF, a technokrata tudat válsága és a humanizmus.  
Prestipino, G.: Az esztétikum szintjéről és a „népi kultúra” gramsci-i fogalmáról.

1974/5.

La Grassa: Az „absztrakt” munka problémájáról.  
Papa, F.: A kommunizmus elméleti problémái.  
Sportelli, S.: A „pratico-inerte” Sartre-i elméletéhez.  
Finamore, C.: Sartre a marxizmus és a fenomenológia között.

*Szocialisztjicseszka ja miszl i praktjika*  
(Belgrád)

1974/8.

Kurtovics: A kommunisták és a szocialista öngazgatás, valamint a JKSz további erősítéséért folytatott harc aktuális kérdései.

1974/9.

Kurtovics: A kommunisták és a szocialista öngazgatásért folytatott harc aktuális kérdései.  
Altamirano: Kritikai gondolatok a chilei forradalmi folyamatról.

1974/10.

— A munkásosztály az öniszerveződésre alapított társadalomban.

Filipovic, Muhamed: Különbségek a munkásosztály fogalmában.

Muhics, Fuad: A munkásosztályról szóló mai elméletek szemléje.

Tito: Melyek a felszabadító harc és a forradalmi átalakulás specifikumai az új Jugoszláviában?

Tito: Nemzeti kérdés Jugoszláviában a nemzeti felszabadító harc fényében.

## E SZÁMUNK SZERZŐI

*Balázs György*, a Világosság rovatvezetője · *Erdey-Grúz Tibor*, az MTA elnöke, akadémikus · *Farkas László*, BOTE, a fil. tud. kandidátusa · *Földesi Tamás*, ELTE, tanszékvezető egy. tanár, a fil. tud. doktora · *G. Havas Katalin*, ELTE, a fil. tud. kandidátusa · *L. I. Grekov*, Moszkva, a Voproszi Filozofii szerkesztője, a fil. tud. kandidátusa · *Hermann István*, ELTE, tanszékvezető egy. tanár, a fil. tud. doktora · *Horváth József*, ELTE, tanszékvezető egy. docens, a fil. tud. kandidátusa · *Illy József*, MTA Izotóp Intézete · *Kelemen János*, ELTE, egy. adjunktus · *Marion Imre*, MKKE, a fil. tud. kandidátusa · *Müller*

*Antal*, MTA Filozófiai Intézete, a fil. tud. kandidátusa · *Rozsnyai Ervin*, a fil. tud. kandidátusa · *P. Salvucci*, Urbino, egyetemi tanár, az Urbinoi Egyetem dékánja · *Solt Kornél*, járási bírósági tanácselnök · *Szabó Bálint*, MSZMP Párttörténeti Intézete, a tört. tud. kandidátusa · *Szigeti József*, ELTE, tanszékvezető egy. tanár, az MTA lev. tagja · *Szigetvári Sándor*, ELTE, a fil. tud. kandidátusa · *A. Sztójkov*, Szófia, a Művészeti Tudományok Egységes Kutató Központjának igazgatója · *Vas Ida*, ELTE, a fil. tud. kandidátusa · *Volczer Árpád*, ELTE, egy. docens.